

САРА
МАКЛЕЙН

*Манящая
тайна*

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Серия «Очарование»

Sara Maclean
NO GOOD DUKE GOES UNPUNISHED

Перевод с английского Е. Максимовой

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Маклейн, Сара.

М15 Манящая тайна : роман / Сара Маклейн ; [пер. с англ. Е. Максимовой]. — Москва : АСТ, 2015. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-085023-5

В свое время герцог Темпл, несправедливо обвиненный в убийстве красавицы Мары Лоу, был изгнан из общества. Опозоренный и гонимый, он становится хозяином подпольного игорного дома. Теперь его окружают авантюристы, игроки и куртизанки. Но однажды на его пороге появилась... Мара, живая и невредимая, и предложила сделку: герцог прощает карточные долги ее брата, а она возвращается в свет и снимает с него клеймо убийцы.

Однако почему Мара окутала себя тайной? Что скрывает эта прекрасная, загадочная, манящая женщина, о которой Темпл думает непрерывно день и ночь?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-085023-5

© Sarah Trabucchi, 2013
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2014

Посвящается
Эрику, моему ласковому великану,
за чудесную заботу обо мне.
В память о Хелен, леди Лов — с любовью.

Темпл

*Уайфон-Эбби, Девоншир
Ноябрь 1819 года*

Он проснулся с раскалывающейся головой и восставшим естеством, но ничего необычного в этом не было. В конце концов, он больше пяти лет каждое утро просыпался примерно в таком же состоянии.

Уильям Хэрроу, маркиз Чапин, наследник герцогства Ламонт, был богат, знатен, красив и обладал множеством привилегий, — а молодой человек, обладающий столькими достоинствами, редко испытывает нехватку в женщинах и спиртном.

Так что и этим утром он ничуть не волновался. Зная (как известно всем опытным пьяницам), что раскалывающая голову боль к полудню пройдет, он собрался излечить второй недуг и, не открывая глаз, потянулся к женщине, наверняка лежавшей рядом.

Да только там никого не оказалось.

Вместо теплой, готовой ко всему плоти Уильям нащупал лишь холодную подушку.

Он открыл глаза. Яркое солнце Девоншира резко ударило по всем его чувствам, от чего боль в голове сделалась почти нестерпимой.

Он выругался, зажмурился, поспешно прикрыл глаза рукой (под веками все пылало алым) и сделал глубокий вдох.

Яркий солнечный свет — самый быстрый способ испортить утро.

«Может, оно и к лучшему, что вчерашняя женщина исчезла», — подумал маркиз. Хотя с воспоминанием о ее пре-

лестных пышных грудях, гриве золотистых кудрей и чувственных губах нахлынула волна сожаления.

Да, роскошная женщина. А в постели... В постели она была... Хм... какова же она была в постели? Он никак не мог этого вспомнить.

Хотя вряд ли он настолько напился. Или все-таки — настолько?

Уильям прекрасно помнил, что она была высокая, вся в изгибах и округлостях — в точности такая, как все женщины, которые ему нравились. И она составляла ему, с его ростом и сложением (вечным его проклятием, когда дело доходило до женщин), достойную пару. Он частенько опасался, как бы не раздавить даму, и это ему совсем не нравилось.

А еще у нее была улыбка, вызывающая мысли о невинности и одновременно — о грехе. Она отказалась назвать ему свое имя. И отказалась узнать, как зовут его. То есть абсолютное совершенство.

А ее глаза... Он в жизни своей не видел таких глаз; один голубой, как летнее море, а второй — зеленоватый. Он долго вглядывался в эти огромные глаза, вглядывался, замороженный ими...

Они пробрались в дом через кухню и поднялись вверх по лестнице для слуг, а потом она налила ему порцию скотча... Вот и все, что он помнил.

Боже правый! Пора прекращать пить! Сразу же, как только закончится этот день. А сегодня придется выпить, чтобы пережить день свадьбы отца — день, когда Уильям обретет четвертую мачеху. Моложе всех предыдущих. Моложе его самого. И очень-очень богатую.

Впрочем, он не знаком с ней, с этим воплощением идеальной невесты. Он увидит ее только во время церемонии — как и трех предыдущих. А затем, как только фамильные сундуки будут опять набиты до отказа, он уедет. Вернется в Оксфорд, исполнив свой долг и сыграв роль преданного сына. Вернется к восхитительной жизни, какую ведут наследники герцогов! К жизни со спиртным и с женщинами, но без единой заботы.

Назад к жизни, которую он обожает!

Но сегодня вечером он окажет честь отцу, поприветствует свою новую мамочку и ради приличия притворится, что

ему не все равно. И может быть, сыграв свою роль, он затем подыщет себе в саду игривую юную штучку и постарается вспомнить события прошедшей ночи.

Слава небесам за то, что существуют загородные поместья и венчания со множеством гостей. В мире нет ни единой женщины, которая могла бы устоять перед соблазном свадьбы, и поэтому Уильям испытывал большую тягу к священным узам брака. Ему сильно повезло, что у отца к этому талант.

Уильям ухмыльнулся и растянулся поперек кровати, откинув руку в сторону, на прохладные льняные простыни.

Нет, на холодные льняные простыни. Холодные... и сырые льняные простыни.

— Что за чертовщина? — пробормотал Уильям и открыл глаза. И только сейчас сообразил, что это — не его комната. И не его кровать.

А красное липкое пятно на простыне, в которое он угодил пальцами... Это вовсе не его кровь.

Прежде чем он успел произнести хоть слово или шевельнуться, прежде чем успел хоть что-нибудь понять, дверь в странную спальню отворилась и вошла горничная — молоденькая и энергичная.

И в тот же миг в голове Уильяма промелькнули мысли о том, что... Впрочем, нет — ничего не промелькнуло. Кажется, он знал только одно: сейчас он разрушит жизнь этой девушки. Да-да, он знал, без тени сомнения, что она больше никогда не сможет спокойно распахнуть дверь, или застелить постель, или подставить лицо такому редкому в Девоншире утреннему зимнему солнцу, не вспоминая этот миг. Миг, который он, Уильям, отменить был не в состоянии.

Он молчал, когда она его заметила, молчал, когда она словно примерзла к месту, молчал, когда она мертвенно побледнела, а ее карие глаза (забавно, что он заметил их цвет) широко распахнулись, — вероятно, от ужаса.

Молчал он и тогда, когда она открыла рот и завизжала. На ее месте он наверняка сделал бы то же самое.

И лишь после того как смолк этот душераздирающий вопль, заставивший кинуться сюда бегом слуг и горничных, Уильям, воспользовавшись минутной тишиной, проговорил:

— Где я нахожусь?

Горничная, словно онемев, молча смотрела на него.

Уильям собрался встать с кровати, но тут же замер, сообразив, что нигде не видит своей одежды. Да, он лежал голый в чужой постели. К тому же был испачкан в крови.

Снова взглянув на горничную, Уильям в смущении проговорил:

— А чья это кровать?

— Мисс Лоув, — ответила горничная, и Уильям в ужасе замер.

Мисс Мары Лоув? Дочери богатого финансиста с таким огромным приданым, что смогла поймать в свои сети герцога?..

И эта мисс Мара Лоув вот-вот должна была стать герцогиней Ламонт, его очередной мачехой.

Глава 1

«Падший ангел»

Лондон

Двенадцать лет спустя

Есть особая красота в моменте, когда кость встречается с костью или же с плотью; она рождается в миг яростного соприкосновения кулака с челюстью, а также в тот миг, когда кулак глубоко вонзается в живот и из груди человека вырывается глухой стон. Те, кто получает наслаждение от этой красоты, — дерутся.

Впрочем, некоторые дерутся и ради удовольствия. Ради мгновения, когда соперник падает на пол в куче опилок — падает, лишившись силы, дыхания и чести.

Другие же дерутся ради славы. Ради мгновения, когда победитель, покрытый потом, пылью и кровью, возвышается над своим побитым противником.

Есть и такие, которые дерутся ради власти и богатых трофеев.

Но герцог Ламонт, в самых темных уголках Лондона известный как Темпл, дрался ради покоя.

Он дрался ради минуты, когда не остается ничего, кроме мышц и костей, движения и силы, ловкости и ложных ударов. Ради того, как животные инстинкты отрезают внешний мир, заглушают рев толпы и воспоминания, оставляя только дыхание и собственную мощь.

Он дрался, потому что все эти двенадцать лет только на ринге познавал правду о себе и о мире.

Физическая сила чиста. Все остальное — запятнано. И осознание этого делало его лучше.

Непобежденный никем в Лондоне (а многие бились об заклад, что и в Европе), именно Темпл, обмотав костяшки пальцев полосками ткани, каждый вечер стоял на ринге, и его едва зажившие раны готовы были снова кровоточить. Там, на ринге, он смотрел в лицо своим противникам (каждый вечер новому), и каждый из них верил, что сможет взять над Темплом верх.

Каждый считал, что он-то и есть тот человек, который побьет великого и непобедимого Темпла, заставит его рухнуть на пол самого большого помещения в самом престижном игорном доме Лондона.

Могучее притяжение «Падшего ангела» основывалось на десятках тысячах фунтов, что проигрывались здесь ежевечерне, а также — на пороках и грехах, взывавших к Мейфэру на закате солнца, взывавших к мужчинам, титулованным и богатым, к тем из них, кто имел слабость к стуку костей, шелесту карт на зеленом сукне и к вращению колеса рулетки.

А когда они теряли все в сверкающих великолепных комнатах наверху, последним их прибежищем становилось помещение, скрывавшееся внизу. Ринг. Преисподняя, где правил Темпл.

Основатели «Ангела» создали единственный путь спасения для этих людей. Путь для тех, кто, проиграв свое состояние в казино, мог вновь его обрести. Подравшись с Темплом и победив, но, разумеется, ничего подобного никогда не случалось. Темпл дрался двенадцать лет — сначала, чтобы выжить в темных переулках, заполненных темными личностями, а затем — в паршивых клубах ради денег, власти и влияния.

Он дрался ради всего того, что было ему обещано.

Всего того, для чего он родился.

«Всего того, что я утратил за одну-единственную незабываемую ночь», — так говорил он себе.

Эта мысль прокралась в ритм боя, и на какой-то миг тело его тяжело обмякло, а противник (в половину роста Темпла и в треть его силы) нанес ему удар в челюсть, мощный и удачный. Зубы Темпла лязгнули, а из глаз посыпались искры. От неожиданности он отлетел назад; боль и злость мгновенно вытеснили дурацкую мысль, стоило ему

наткнуться на торжествующий взгляд своего безымянного противника.

Нет, не безымянного. Разумеется, у него было имя, но Темпл редко называл их по именам. Люди для него являлись всего лишь средством для достижения цели.

Как и он для них.

Секунду спустя он восстановил равновесие, сделал ложный выпад влево, затем вправо, прекрасно зная, что руки у него на полфута длиннее, чем у соперника, и чувствуя, что тот уже окончательно выдохся.

Но этому человеку было за что сражаться: сорок тысяч фунтов и поместье в Эссексе; ферма в Уэльсе, где выращивались лучшие скаковые лошади в Британии; полдюжины картин известного голландского художника; приданое маленькой дочери; образование сына — все это утеряно за игорными столами наверху. И все стояло на кону тут, внизу.

Темпл посмотрел в глаза противнику и увидел в них отчаяние. А также ненависть. Ненависть к клубу, ставшему причиной его падения, ненависть к людям, управлявшим им, а более всего — к Темплу, центуриону, охраняющему сокровища, украденные из карманов порядочных благородных джентльменов.

Только благодаря таким мыслям эти неудачники и могли спать по ночам.

Словно вина «Ангела» в том, что развязанные кошельки и неудачно брошенные кости составляют гибельную комбинацию.

Словно это вина Темпла.

Но именно ненависть их и губит. Бесплезное чувство, рожденное из смеси страха и надежды. Они не знают, в чем тут фокус, не знают правды. Не знают, что те, кто сражается за *что-то*, обречены на проигрыш. Пора, пожалуй, избавиться этого красавца от всех его несчастий.

Какофония криков вокруг ринга достигла апогея, когда Темпл пошел в наступление и его противник полетел на усыпанный опилками пол. Если до этого он просто играл с бедолагой, то теперь его кулаки наносили решительные, безжалостные удары. В скулу. В челюсть. В горс.

Поднявшись, соперник все отступал к канатам, огораживающим ринг, и наконец уперся в них спиной. Темпл продолжал атаковать, в глубине души жалея бедолагу, надеявшегося победить. Надеявшегося на то, что сможет одолеть Темпла. Сможет взять верх над «Ангелом».

Последний удар вышиб из того все силы, и Темпл увидел, как противник рухнул к его ногам. Вопли толпы, жаждавшей крови, сделались оглушающими.

А Темпл, тяжело дыша, ждал, когда его противник пошевелится и встанет на ноги для второго раунда, чтобы получить еще один шанс.

Но тот лежал неподвижно, прикрыв руками голову.

«Умно, — подумал Темпл. — Этот поступает умнее, чем большинство остальных».

Темпл повернулся, встретился взглядом с судьей на ринге и в безмолвном вопросе дернул подбородком.

Взгляд пожилого человека скользнул по неподвижному телу у ног Темпла. После чего он поднял палец и указал на красный флажок в дальнем углу ринга — на флажок Темпла.

Толпа взревела.

Темпл же уставился в огромное зеркало, протянувшееся вдоль одной из стен зала. Он довольно долго всматривался в отражение собственных черных глаз, а затем повернулся к зеркалу спиной и стремительно шагнул к канатам, чтобы покинуть ринг.

Проталкиваясь сквозь толпу мужчин, заплативших кругленькую сумму, чтобы посмотреть матч, он не обращал внимания на ухмыляющихся, что-то весело орущих зрителей; их пальцы то и дело касались его потных рук и плеч, и этим они будут хвастаться долгие годы.

«Я прикоснулся к убийце и остался в живых!»

Вначале этот ритуал страшно злил его, со временем он начал им гордиться, а теперь...

Теперь все это ужасно надоело.

Он распахнул тяжелую стальную дверь, ведущую в его частные комнаты, и, не закрывая ее, начал разматывать льняные полоски с ноющих костяшек пальцев. Темпл не обернулся, когда дверь с грохотом захлопнулась. Он знал, что никто из зрителей не посмеет пойти за ним в его тем-

ное подземное святилище, во всяком случае — без приглашения.

В этой комнате, отделенной от общих помещений, было темно и тихо. Но Темпл прекрасно знал, что в зале у ринга большинство зрителей кинулись за своим выигрышем, а несколько человек помогали проигравшему подняться и звали хирурга, чтобы тот перевязал сломанные ребра и обработал ушибы. Он швырнул полоски ткани на пол, в темноте потянулся к ближайшей лампе и безошибочно зажег ее. Комната осветилась, и стал виден низкий дубовый стол, почти пустой, за исключением аккуратной стопки бумаг и резной шкатулки черного дерева.

Темпл стал разматывать повязку на другой руке, не отводя взгляда от бумаг, теперь уже не нужных. Совершенно не нужных.

Швырнув и вторую полоску на пол, Темпл пересек почти пустую комнату, взялся за кожаный ремень, приделанный к потолку, и повис на нем всем своим весом, растягивая мышцы рук, плеч и спины. В эту минуту во вторую дверь, находившуюся в дальнем конце комнаты, негромко постучали.

— Входи, — сказал Темпл, даже не обернувшись.

Дверь открылась и тут же закрылась.

— Еще один пал.

— Как всегда. — Темпл закончил растягиваться и повернулся.

Чейз, основатель «Падшего ангела», пересек комнату и сел на низкий деревянный стул.

— Хороший был бой.

— Разве? — Теперь все бои казались Темплу одинаковыми.

— Поразительно, что они по-прежнему думают, будто могут тебя победить, — сказал Чейз, откинувшись назад и вытянув перед собой длинные ноги. — Вроде пора бы уже понять, что это невозможно.

Темпл налил себе воды из графина.

— Очень трудно отказаться от надежды. Даже если это очень слабая надежда.

Как человек, так и не получивший шанса на надежду, Темпл знал это лучше других.

— Ты сломал Монтлейку три ребра.

Темпл с жадностью приложился к стакану, и по его подбородку потекла вода. Утолив жажду, он сказал:

— Ребра срastaются.

Чейз кивнул и, поерзав на стуле, осмотрелся.

— Знаешь, твой спартанский образ жизни — не самый удобный.

Темпл поставил стакан на стол.

— Тебя никто не просит тут засиживаться. Наверху у вас наверняка полно велюровых подушечек.

Чейз улыбнулся, смахнул с брюк кусочек корпии, затем положил на стол, рядом со стопкой документов, еще один лист бумаги — список вызовов на завтрашний и послезавтрашний вечера. Никогда не заканчивающийся список неудачников, желающих подраться за свое состояние.

Темпл негромко вздохнул. Ему не хотелось думать о следующем бое. Думалось только о горячей воде и мягкой постели. Он дернул шнур звонка, требуя наполнить ванну. Затем взглянул на бумагу, лежавшую достаточно близко, чтобы увидеть с полдюжины имен, но слишком далеко, чтобы прочитать их.

— Лоув снова тебя вызывает, — сказал Чейз.

Что ж, этого следовало ожидать — Кристофер Лоув уже двенадцать раз бросал ему вызов.

— Нет. — Темпл покачал головой. Тот же ответ он давал предыдущие одиннадцать раз. — И тебе не следовало бы приносить это сюда.

— Почему? Разве мальчику нельзя дать такой же шанс, что и всем прочим?

Темпл посмотрел другу прямо в глаза:

— Ты кровожадный ублюдок.

Чейз рассмеялся:

— К великому сожалению моих родственников, я не ублюдок, а вполне законнорожденный.

— Но кровожадный.

— Просто люблю жаркие бои. — Чейз пожал плечами. — Ведь Лоув потерял тысячи.

— Да мне плевать, даже если он потерял драгоценности из королевской казны. Я с ним драться не буду.

— Темпл...

— Нет, послушай меня. Так вот, когда мы договаривались и когда я согласился присоединиться к «Ангелу», мы решили, что бои — мое личное дело. Ведь так?

Чейз медлил с ответом, а Темпл повторил:

— Ведь так?

— Да.

— И я решил, что не буду драться с Лоувом. — Темпл помолчал и добавил: — Он ведь даже не член клуба.

— Зато он член «Рыцаря». Теперь им предоставляются те же права, что и любому члену «Ангела».

— Да будь оно все проклято, — проворчал Темпл. — Если бы не Кросс и его идиотские решения...

— У него были на то причины, — перебил Чейз.

— Да избавит нас Господь от влюбленных мужчин!

— Вот-вот, — закивал Чейз. — Тем не менее у нас появился еще один игорный ад, а Лоув ему задолжал. И он имеет право на матч, если просит об этом.

— Каким образом этот мальчишка проиграл тысячи? — осведомился Темпл, с отвращением слыша в своем голосе досаду. — Ведь все, к чему прикасался его отец, превращалось в золото!

«Именно поэтому сестра Лоува казалась такой привлекательной невестой».

Омерзительная мысль! А также воспоминания, явившиеся вместе с ней.

Чейз пожал плечами.

— Удача отворачивается быстро. — Это и была та истина, на которой все они наживались.

Темпл выругался и заявил:

— Я не буду с ним драться. Избавьтесь от него.

Глядя ему в глаза, Чейз тихо сказал:

— Нет никаких доказательств, что ты ее убил.

— И нет никаких доказательств, что я этого не сделал, — с невозмутимым видом ответил Темпл.

— Могу держать пари на все, что у меня есть, — ты этого не делал.

— Но ты же не знаешь правды... — Темпл и сам ее не знал.

— Зато я знаю тебя, — сказал Чейз.